

КОНСТАНТИНЪ ДМИТРИЕВИЧЪ УШИНСКІЙ.

Некрологъ.

Въ декабрѣ минувшаго года скончался въ Одессѣ, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, нашъ извѣстный педагогический писатель, бывшій инспекторъ классовъ Смольного института и редакторъ Журнала министерства народнаго просвѣщенія, Константинъ Дмитріевичъ Ушинскій. Имя его въ послѣднія десять лѣтъ получило у насъ громкую извѣстность; по составленнымъ имъ книгамъ обучается все почти наше молодое поколѣніе, и мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что „Дѣтскій Миръ“ и „Родное Слово“ Ушинскаго въ исторіи нашего образованія займутъ такое же мѣсто, какое въ XVII-мъ столѣтіи на Западѣ занималъ извѣстный „Orbis sensualium pictus“ Коменскаго, давшій направленіе первоначальному умственному образованію многихъ поколѣній. Но оцѣнка того вліянія, какое имѣютъ и будутъ имѣть у насъ труды Ушинскаго на успѣхи первоначального обученія, принадлежитъ будущему; заслуги же его какъ практическаго педагога, какъ инспектора и преобразователя двухъ перворазрядныхъ учебныхъ заведеній, безъ сомнѣнія, найдутъ своего историка въ средѣ сотрудниковъ Ушинскаго, непосредственныхъ свидѣтелей и очевидцевъ его дѣятельности на этомъ поприщѣ. Въ настоящей же замѣткѣ, пишущій эти строки, какъ бывшій товарищъ Ушинскаго по университету, какъ близкій другъ его въ продолженіи болѣе 30-ти лѣтъ, намѣренъ сообщить, по личнымъ своимъ воспоминаніямъ, нѣсколько чертъ характера умершаго друга, которая, можетъ быть, пригодятся для будущаго его біографа.

К. Д. Ушинскій происходилъ изъ стаиннаго малороссійскаго дворянскаго рода и родился въ г. Тулѣ, въ началѣ 1824-го года. Отецъ его долгое время служилъ въ военной службѣ и впослѣдствіи былъ уѣзднымъ судью въ г. Новгородъ-Сѣверскѣ, Черниговской губерніи; мать его была урожденная Гусакъ. Константинъ Дмитріевичъ получилъ первоначальное образованіе въ родительскомъ домѣ, а потомъ въ новгородъ-сѣверской гимназіи, имѣвшей тогда хорошаго руководителя въ лицѣ своего директора, извѣстнаго Ильи Федоровича Тимковскаго,

бывшаго профессора харьковскаго университета. О первыхъ годахъ жизни Ушинскаго и о гимназическомъ его учении у насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Изъ разсказовъ его мы помнимъ, что онъ, обучаясь въ гимназіи, жилъ въ домѣ родителей, верстахъ въ 4-хъ отъ города, и каждый день ходилъ пѣшкомъ на уроки. Ушинскій горячо любилъ и всегда вспоминалъ съ восторгомъ то мѣсто, въ которомъ провелъ первыи годы юности. Домъ его родителей стоялъ на высокомъ берегу Десны и былъ окружено садомъ, въ которомъ росли вѣковые дубы. Съ дѣтскихъ лѣтъ онъ полюбилъ природу и деревенскую жизнь и сохранилъ эту любовь до самой смерти; только въ деревнѣ онъ бывалъ совершенно здоровъ и могъ свободно предаваться своимъ любимымъ занятіямъ.

Въ сентябрѣ 1840-го года пишущій эти строки поступилъ, въ числѣ полутораста другихъ молодыхъ людей, въ московскій университетъ студентомъ по юридическому факультету. Уже во время приемныхъ экзаменовъ и первыхъ лекцій въ университетѣ, мы всѣ обратили внимание на Ушинскаго, тогда весьма молодого человѣка, почти мальчика, съ черными выразительными глазами, съ умнымъ и чрезвычайно симпатическимъ лицомъ, котораго живая и бойкая рѣчь, съ чуть замѣтнымъ малороссійскимъ акцентомъ, оригинальныя и рѣзкія сужденія по поводу университетскихъ лекцій, тогдашихъ литературныхъ и театральныхъ явлений и всего того, что интересовало нашъ университетскій міръ, невольно возбуждали общее сочувствие, какое возбуждается всякой, выходящей изъ ряда обыкновенныхъ, молодой человѣкъ. Въ то время студентамъ жилось хорошо въ московскомъ университѣтѣ. Послѣ измѣненія устава въ тридцатыхъ годахъ, и обновленія состава профессоровъ при попечителѣ графѣ С. Г. Строгановѣ, большая часть каѳедръ занята была молодыми преподавателями, воспитанниками бывшаго профессорскаго института, незадолго передъ тѣмъ прѣхавшими изъ Германіи, гдѣ они доканчивали свое образованіе. Мы, юристы, слушали всеобщую исторію у Крюкова и Грановскаго, римское право у Крылова, политическую экономію и статистику у Чивилева. Преподаваніе ихъ стояло на уровнѣ европейской науки и побуждало слушателей къ самостоятельному труду. Особеннымъ сочувствіемъ студентовъ пользовались два первыхъ изъ названныхъ профессоровъ, которыхъ чтенія, при всей основательности и глубинѣ содержанія, отличались еще необыкновенною художественностью формы. Но никто изъ тогдашнихъ преподавателей не производилъ на насъ такого глубокаго впечатлѣнія, какъ профессоръ энциклопедіи законовѣдѣнія и государственного права П. Г. Р—нъ. Въ его чтеніяхъ было именно то, что могло увлечь молодыхъ людей,—былъ юношескій жаръ и глубокое убѣжденіе. Онъ умѣлъ возбудить въ своихъ ученикахъ любовь къ науке, потому что самъ искренно, можно сказать страстно любилъ науку, хотя эта

любовь вовсе не была у него любовью науки для науки; это собственно была любовь науки для человечества, ибо П. Г. искренно верил и заставил насъ вѣрить, что наука и цивилизация могут и должны побороть всякое зло на землѣ, что онъ водворятъ свободу и миръ и осчастливятъ людей! Въ сороковыхъ годахъ такие идеалистические взгляды были еще возможны. Членія П. Г., всегда увлекательные, переходили иногда въ восторженныя импровизациіи, которые производили на слушателей потрясающее дѣйствіе. Эти лекціи привлекали множество слушателей, не только юристовъ всѣхъ курсовъ, но даже медиковъ и математиковъ, и часто случалось, что студенты другихъ факультетовъ, прослушавъ одну лекцію П. Г., переходили въ юридический факультетъ единственно затѣмъ, чтобы имѣть возможность постоянно слушать его лекціи¹⁾. Членія П. Г. имѣли для юристовъ особенное значеніе: въ то время философія въ университетахъ вовсе не преподавалась, и не будь П. Г., то для студентовъ философскія знанія оставались бы совершенно чуждыми, тѣмъ болѣе, что другіе преподаватели считали излишнимъ давать своимъ курсамъ философскую основу. Курсы гражданского права, читаемый Морошкинымъ, отличался большимъ богатствомъ историческихъ и практическихъ объясненій, но страдалъ совершеннымъ отсутствиемъ не только философскихъ, но и всякихъ теоретическихъ основаній; подъ именемъ же теоріи уголовного права предлагался слушателямъ довольно безсвязный обзоръ всевозможныхъ теорій нѣмецкихъ криминалистовъ, безъ всякой критики и путеводной нити. Этотъ недостатокъ философского взгляда на юридическую науки восполнялся до нѣкоторой степени членіями П. Г., который, сознавая бесполезность и невозможность изученія права безъ надлежащей философской подготовки, посвящалъ цѣлую половину курса краткому, но весьма отчетливому и удобопонятному очерку исторіи философіи и обзору гегелевской философской системы. Лекціи П. Г. имѣли рѣшительное влияніе на умственное развитіе Ушинского и на дальнѣйшее направленіе его занятій; онъ впервые ознакомили его съ философскими науками и возбудили къ нимъ любовь, и если впослѣдствіи Ушинскій всякому занимавшему его явленію старался отыскать философское основаніе и во всѣхъ своихъ трудахъ строго следовалъ философскимъ началамъ, то этимъ онъ преимущественно обязанъ П. Г.

Ушинскій уже въ то время поражалъ всѣхъ насъ своими необыкновенными способностями. Имѣя не болѣе 16-ти лѣтъ отъ роду, получивъ довольно посредственное первоначальное образованіе, какое только и

¹⁾ Въ съѣзднѣмъ съ университетомъ, известномъ академическимъ трактиромъ «Великобританія», если днемъ не было никого изъ студентовъ, то это считалось вѣрнымъ признакомъ, что въ это время П. Г. читаетъ лекцію въ университете.

могло было получить въ нашихъ провинціальныхъ гимназіяхъ 30-хъ годовъ, плохо зная въ то время иностранные языки, онъ однако съ необыкновенною легкостью и быстротою усвоивалъ себѣ самыя трудныя философскія и юридическія теоріи, относясь къ нимъ всегда критически. Нерѣдко случалось, что послѣ выслушанія лекціи, въ которой намъ передавалась какая-либо слишкомъ мудреная теорія (напр. теорія владѣнія по римскому праву и разъясненію нѣмецкихъ юристовъ, или Нибуровскія идеи о древней римской исторіи), слушатели, плохо понявъ суть дѣла, обращались къ Ушинскому съ просьбою изложить имъ всю эту мудрость по-своему, и онъ всегда успѣвалъ растолковать имъ сущность лекціи совершенно вѣрно и удобопонятно. Память у него была до такой степени объемиста, что онъ даже вполнѣ зналъ ту часть статистики, въ которой профессоръ Чивилевъ знакомилъ насъ съ профилями центральной Европы, съ помощью исчисленія всѣхъ горныхъ вершинъ и проходовъ, съ показаніемъ высоты ихъ надъ уровнемъ моря. До такого совершенства никто изъ насъ, товарищѣ Ушинскаго, никогда не доходилъ. Благодаря этой памяти, онъ почти вовсе не готовился къ университетскимъ экзаменамъ, и ему достаточно было въ теченіи года прослушать любой университетскій курсъ, чтобы въ маѣ мѣсяцѣ сдать переходный экзаменъ. Свободное отъ лекцій время онъ посвящалъ чтенію, которое уже тогда было у него весьма серьезно и разнообразно. Наиболѣе любимые въ то время авторы его были Пушкинъ, Гёте, Гофманъ и Жанъ-Поль-Рихтеръ, изъ которыхъ онъ много переводилъ, и ради которыхъ весьма скоро изучилъ основательно нѣмецкій языкъ. Въ исторіи онъ въ то время съ любовью изучалъ эпоху французской революціи, къ героямъ которой имѣлъ особенное пристрастіе. Вольтера и Наполеона I-го онъ просто ненавидѣлъ, и это служило поводомъ къ безконечнымъ спорамъ съ товарищами, въ числѣ которыхъ было довольно много поклонниковъ Наполеона и вольтеріанцевъ. Эта ненависть къ Вольтеру и Наполеону объясняется его убѣжденіями, которымъ онъ оставался вѣренъ во все продолженіе своей жизни. Относясь критически ко всѣмъ явленіямъ науки и жизни и будучи весьма далекъ отъ всякихъ піетистическихъ или клерикальныхъ направленій, онъ потому всегда былъ истинный христіанинъ и человѣкъ глубокихъ религіозныхъ убѣжденій, и вмѣстѣ съ тѣмъ считалъ величайшимъ благомъ свободу. Въ Наполеонѣ I-мъ онъ видѣлъ такого же врага свободы, какого христіанство встрѣтило въ Вольтерѣ. Въ послѣдніе годы университетскаго курса онъ началъ весьма прилежно заниматься изученіемъ философіи и русской исторіи, которую основательно зналъ по источникамъ. Здоровье его уже тогда было весьма ненадежно, и городская жизнь дѣйствовала на него губительно. Къ концу академическаго года онъ обыкновенно,

блѣдный, худой и харкающій кровью, отправлялся съ земляками на родину, въ Малороссію, которую страстно любилъ. Большею частью онъ и его товарищи совершили путешествіе изъ Москвы до Брянска на долгихъ, въ Брянскѣ покупали лодку и спускались по Деснѣ до Новгородъ-Сѣверска. Въ деревнѣ онъ менѣе занимался, писалъ стихи, много гулялъ, удилъ рыбу, и пріѣзжалъ къ сентябрю въ Москву румяный, полный и совершенно здоровый. Ушинскій и его малороссійские товарищи, возвращаясь въ Москву послѣ вакацій, обыкновенно привозили съ собою больше мѣшков малороссійского сала, которое для нась служило важнымъ подспорьемъ во время частыхъ финансовыхъ кризисовъ.

Вообще, въ частномъ студенческомъ быту Константинъ Дмитріевичъ былъ совершенный студентъ-демократъ, жившій, что называется, душа на распашку и дѣлившійся съ товарищами послѣднимъ рублемъ и послѣдней трубкой табаку. Онъ вовсе не чуждался театровъ и известныхъ трактиръ Печкина и „Великобританіи“, которые замѣняли для насъ клубы и читальни, такъ какъ въ нихъ имѣлись всегда въ нѣсколькихъ экземплярахъ не только лучшіе тогдашніе журналы, но и вновь выходившія, наиболѣе тогда читаемыя книги. Уже тогда Ушинскій отличался нѣкоторыми качествами, которая впослѣдствіи надѣлали ему много враговъ и принесли не мало огорченій,—именно вполнѣю независимостью характера и привычкою высказывать каждому откровенно свои убѣжденія, не взирая на то, какъ будетъ принята эта откровенность. Будучи отъявленнымъ врагомъ всякой пошлости, всякаго заискиванія и низкопоклонства, онъ безпощадно казнилъ своими сарказмами тѣхъ изъ товарищѣй, которые, въ виду приближавшихся экзаменовъ, ъздили къ профессорамъ съ визитами и поздравленіями, или старались обратить на себя вниманіе прилежнымъ записываніемъ лекцій у такихъ профессоровъ, которые читали по печатнымъ книгамъ. Студенты-аристократы, любившіе пускать пыль въ глаза французскими фразами, рысаками, франтовскими мундирами и всякими модными затѣями, страшно боялись Ушинскаго, котораго остроты попадали очень мѣтко. Впрочемъ, всѣ эти выходки легко сходили съ рукъ въ университетѣ, и Ушинскій постоянно пользовался любовью всѣхъ своихъ товарищѣй. Впослѣдствіи, въ жizни, выходило совершенно другое. Недолюбливавъ также К. Д. нѣкоторыхъ профессоровъ; особенно часто страдалъ отъ его острыхъ словъ одинъ профессоръ русской словесности, впрочемъ человѣкъ весьма ученый и оказавшій большія услуги наукѣ, но читавшій лекціи съ невыносимой аффектацией. Ненавистенъ былъ ему еще одинъ профессоръ, котораго теорія уголовнаго права не отличалась гуманностью взглядовъ.

Въ маѣ 1844-го года Константинъ Дмитріевичъ окончилъ универси-

тетскій курсъ вторымъ кандидатомъ правъ¹⁾). Тогдашній попечитель московскаго учебнаго округа, графъ С. Г. Строгоновъ, не могъ не обратить вниманія на его необыкновенныя способности и многостороннее образованіе. Въ то время гр. Строгоновъ задумалъ преобразовать ярославскій демидовскій лицей въ высшее камеральное училище и старался обновить составъ его преподавателей новыми, молодыми силами. Съ этою цѣлью онъ предложилъ мѣста профессоровъ въ лицѣй нѣкоторымъ наиболѣе талантливымъ кандидатамъ московскаго университета, въ томъ числѣ Львовскому, Татаринову и Ушинскому. Послѣдній принялъ на себя преподаваніе энциклопедіи законовѣдѣнія, государственного права и науки финансовъ.

О жизни и дѣятельности Константина Дмитріевича въ Ярославлѣ, автору этой замѣтки извѣстно весьма немного, такъ какъ онъ, съ 1844-го по 1852-й годъ, жилъ въ другомъ концѣ Россіи и только изрѣдка переписывался съ Ушинскимъ. По разсказамъ бывшихъ ярославскихъ студентовъ 40-хъ годовъ, Ушинскій превосходно и увлекательно излагалъ свои курсы въ лицѣй и много работалъ по государственному праву. Съ какою легкостью онъ овладѣвалъ каждымъ предметомъ, какъ мѣтки и самостоятельны были уже въ то время его взгляды и сужденія, это видно изъ рѣчи его „О камеральномъ образованіи“, произнесенной въ торжественномъ собраніи лицея 18-го сентября 1848 г. и напечатанной въ томъ же году въ Москвѣ, въ университетской типографіи. Рѣчь эта прошла у насъ почти незамѣченою, хотя подобная самостоятельная научная произведенія въ то время составляли, какъ и теперь составляютъ, весьма рѣдкія явленія. Первую часть своей рѣчи Ушинскій посвящаетъ критическому разбору системъ нѣмецкихъ камералистовъ и находитъ, что они, создавая науку камералистики, смѣшили науку и искусство, и такъ какъ предметъ науки не былъ ими схваченъ, то осталось одно — искусство. Вслѣдствіе такой ошибки, нѣмецкіе учебники камералистики, вместо того, чтобы излагать научнымъ образомъ законы частнаго и общественнаго хозяйства, представляютъ сборники совѣтовъ и наставлений по всѣмъ отраслямъ промышленной дѣятельности. Находя существование въ этомъ видѣ камералистики, какъ науки, невозможнымъ, Ушинскій предлагаетъ свою систему камеральныхъ наукъ, основаніе которой кладеть изученіе земли, изученіе общества и изученіе хозяйственной дѣятельности въ томъ общемъ философскомъ смыслѣ, въ какомъ изучали ихъ Карлъ Риттеръ и Адамъ Сміть; затѣмъ всѣ техническія знанія, составляющія предметъ искусства, а не науки, по мнѣнію Ушинскаго, вовсе не должны входить въ область камералистики, какъ науки. Впослѣдствіи, Ушинскій эту же самую

¹⁾ Первымъ кандидатомъ правъ въ 1844 году окончилъ курсъ, если не ошибаемся, князь В. Черкасскій, вынѣшній московскій городской голова.

мысль проводилъ въ отношеніи къ педагогикѣ; онъ не признавалъ наукой того, что нѣмцы разумѣютъ подъ наукой педагогики; по его мнѣнію, педагогика есть не наука, а искусство, то-есть примѣненіе общихъ началъ антропологии къ воспитанію. Поэтому-то онъ, исполняя порученіе правительства, которое возложило на него обязанность составить руководство для воспитателей, написалъ не педагогику, а антропологію.

Реформа демидовскаго лицея, задуманная гр. Строгоновымъ, по-видимому, не вполнѣ удалась. Ярославскій камеральный факультетъ не получилъ надлежащаго развитія, число студентовъ въ немъ было не-значительно и всѣ почти молодые профессоры, которые должны были поднять уровень лицейскаго преподаванія, въ томъ числѣ и Ушинскій, оставили службу въ лицѣй и переселились въ Петербургъ. Это переселеніе случилось, если не ошибаемся, въ 1850-мъ году.

Осенью 1852-го года авторъ этой замѣтки также перѣхалъ на жительство въ Петербургъ и нашелъ здѣсь Ушинскаго, уже женатаго¹⁾, служащаго въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и дѣятельно занимающагося литературой.

Въ то время министерствами внутреннихъ дѣлъ и уѣдовъ управлялъ Л. А. Перовскій, привлекавшій къ себѣ на службу людей науки. У него, въ числѣ начальниковъ отдѣленій и столонаачальниковъ, было не мало магистровъ и докторовъ правъ и философіи; между прочимъ къ нему поступили на службу нѣкоторые изъ профессоровъ московскаго университета, оставившіе учебную службу послѣ смѣны попечителя гр. Строгонова. Вѣроятно, при помощи бывшихъ своихъ профессоровъ Ушинскій опредѣлился на службу въ департаментѣ иностраннѣнныхъ исповѣданій. Но къ департаментской службѣ Ушинскій, какъ самъ часто говорилъ, былъ совершенно неспособенъ, и повидимому онъ не принималъ никакого участія въ производствѣ текущихъ дѣлъ департамента и даже рѣдко туда являлся, занимаясь на дому составленіемъ историческихъ записокъ и исполненіемъ другихъ подобнаго рода поручаемыхъ ему работъ. Не будучи особенно стѣсненъ службою, онъ началъ изучать англійскій языкъ и литературу, много занимался изученіемъ философіи и особенно пристрастился къ землевѣдѣнію. Усвоивъ себѣ философскій взглядъ Карла Риттера на землю и человѣка, онъ ревностно занимался изслѣдованіемъ воздействиія природы на человѣка и человѣка на природу, и результатомъ этихъ изслѣдованій было нѣсколько замѣчательныхъ критическихъ статей, написанныхъ подъ вліяніемъ риттеровскихъ идей²⁾. Первая, напечатан-

¹⁾ К. Д. Ушинскій былъ женатъ на Надеждѣ Семеновнѣ, урожденной Дорошенко.

²⁾ Сюда относятся статьи Ушинскаго: Сѣверный Ураль и береговой хребетъ Пай-Хой. Труды уральской экспедиціи, 7 статей. «Соврем.» 1853 г. № 8, 9, 10 и

ная имъ въ Петербургѣ статья, если не ошибаемся, есть весьма живо написанный разсказъ, подъ заглавиемъ „Поѣзда на Волховъ“¹⁾. Познакомившись, по поводу этой статьи, съ редакторами „Современника“, онъ сталъ дѣятельнымъ сотрудникомъ этого журнала и напечаталъ въ немъ много статей по предмету литературы, исторіи и землевѣдѣнія²⁾; нѣкоторое время онъ составлялъ для него отдѣль иностранныхъ извѣстій. Впослѣдствіи, разойдясь почему-то съ редакціей „Современника“, онъ сталъ печатать свои статьи въ „Библіотекѣ для Чтенія“, редакторъ которой, г. Старчевскій, началъ взваливать на него всю тяжелую журнальную работу, какъ-то: составленіе хроникъ и обозрѣній, разборъ выходившихъ книгъ и т. п. Этотъ безпрерывный и монотонный литературный трудъ совершенно разстроивалъ здоровье Ушинскаго, отнималъ у него возможность продолжать научныя занятія, а главное, плохо обеспечивалъ его въ материальномъ отношеніи. Ушинскаго чутъ не постигла тогда печальная судьба, загубившая не одного изъ нашихъ талантливыхъ писателей,— судьба литературного поденщика. Счастливый случай вывелъ его на другой путь и далъ ему возможность примѣнить свои познанія и способности на такомъ поприщѣ, на которомъ они принесли несомнѣнную пользу его соотечественникамъ.

Въ 1855-мъ году, Ушинскій случайно встрѣтился въ Петербургѣ съ П. В. Голохвастовымъ, бывшимъ начальникомъ своимъ по Демидовскому лицѣю, занимавшимъ тогда мѣсто директора Гатчинскаго Сиротскаго Института. По предложенію Голохвастова онъ принялъ должность преподавателя словесности и законовъ, а потомъ и инспектора классовъ въ Гатчинскомъ институтѣ³⁾. Переселившись въ Гатчину, Ушинскій ревностно принялъся за исполненіе новой для него обязанности руководителя учебной части въ большомъ учебномъ заведеніи, составлявшемъ не одну школу, а такъ сказать цѣлую систему школъ, ибо въ немъ воспитывались и обучались въ разныхъ отдѣленіяхъ дѣти весьма

11. Магазинъ землевѣдѣнія и путешествій — критическая статья. «Соврем.» 1854 г. № 6. Рецензія путешествія въ Персію Бларамберга и проч.

¹⁾ «Соврем.» 1852 г. № 9.

²⁾ Вотъ заглавія нѣкоторыхъ изъ этихъ статей: Литературный характеръ или исторія генія, заимствованная изъ собственныхъ чувствъ и признаній, Дизраэли. «Соврем.» 1853 г. № № 5, 6, 7 и 8. Исторія одной французской эскадры, извлеченіе изъ книги принца Жуанвильскаго. «Соврем.» 1853 г. № 3. Свѣдѣнія о современномъ состояніи Турціи. «Соврем.» 1854 г. № № 6, 7 и 8.

³⁾ Не можемъ не упомянуть, что приглашеніе Ушинскаго на службу въ Гатчинскій институтъ свидѣтельствуетъ о благородствѣ души П. В. Голохвастова. Нужно замѣтить, что П. В., бывши директоромъ Демидовскаго лицѣя, не совсѣмъ ладилъ съ молодыми профессорами лицѣя. Несмотря на то, онъ, зная способности и высокія нравственные достоинства Ушинскаго, не задумался предложить ему должность главнаго своего помощника и руководителя учебной части въ институтѣ.

различныхъ возрастовъ, изъ коихъ одни учились азбукѣ, а другіе слушали курсы законовѣдѣнія. Осматривая библіотеку заведенія, онъ нашелъ въ ней довольно большое собраніе педагогическихъ сочиненій первой четверти нынѣшняго столѣтія, и эта находка побудила его заняться изученіемъ педагогики. Вотъ какъ описываетъ Ушинскій въ одномъ изъ своихъ писемъ первое знакомство свое съ педагогической библіотекой:

„Помню я, какъ, поступивъ на службу въ одно учебное заведеніе и разсматривая его библіотеку, довольно многотомную, нашелъ я цѣлый шкафъ съ медицинскими книгами, хотя въ этомъ заведеніи никогда не учили медицину. Ихъ пожертвовалъ одинъ купецъ, которому онъ достались за долги или по наслѣдству... Наконецъ смотрю, стоять два шкафа, запыленные, почернѣлые, запечатанные. Видно по всему, что ихъ лѣтъ двадцать не отпирали. Прошу отворить и нахожу очень полное собраніе педагогическихъ книгъ въ русскомъ учебномъ заведеніи. Этимъ двумъ шкафамъ я обязанъ въ жизни очень, очень многимъ, и, Боже мой! отъ сколькихъ бы грубыхъ ошибокъ былъ избавленъ я, еслибы познакомился съ этими двумя шкафами прежде, чѣмъ вступилъ на педагогическое поприще! Человѣкъ, заведшій эту библіотеку, былъ необыкновеннымъ у насъ человѣкомъ¹⁾). Это едва ли не первый нашъ педагогъ, который взглянулъ серьезно на дѣло воспитанія и увлекся имъ. Но горько же и поплатился онъ за это увлеченіе. Покровительствуемый счастливыми обстоятельствами, онъ могъ нѣсколько лѣтъ приводить свои идеи въ исполненіе; но вдругъ обстоятельства перемѣнились,—и бѣднякъ мечтатель окончилъ свою жизнь въ сумасшедшемъ домѣ, бредя дѣтьми, школой, педагогическими идеями. Недаромъ же послѣ него закрыли и запечатали его опасное наслѣдство. Разбирая эти книги, исписанныя по краямъ одною и тою же мертвою рукою, я думалъ, лучше бы было, еслибы онъ жилъ въ настоящее время, когда уже научились лучше цѣнить педагоговъ и педагогическая идеи“.

Въ Гатчинѣ Ушинскій началъ изучать педагогическую литературу отъ Базедова и Песталоцци до Дистервега и Карла Шмидта, и съ тѣхъ поръ, до конца жизни, вся дѣятельность его была посвящена исключительно наукѣ воспитанія. Въ единственномъ тогда педагогическомъ Журналѣ для воспитанія, издававшемся подъ редакціею Чумикова, печатались его педагогическія статьи²⁾). Къ этой же гатчинской эпохѣ

¹⁾ Это былъ Евг. Ос. Гугель, инспекторъ Гатчинскаго института.

²⁾ Въ Журн. для Воспитанія Ушинскій помѣстилъ слѣдующія статьи: «О пользѣ педагогической литературы». 1857 г. Т. I; «О народности въ общественномъ воспитаніи». 1857. Т. II; «Школьная реформа въ Сѣверной Америкѣ». 1858. Т. III; «Внутреннее устройство Сѣверо-американскихъ школъ». 1858. Т. IV. Ему также

жизни Ушинского относится начало наиболѣе важныхъ его трудовъ,— по составленію книгъ для первоначального обученія. Первую изъ этихъ книгъ— „Дѣтскій Міръ и Христоматію“—онъ началъ составлять еще въ 1858-мъ году и напечаталъ ее въ началѣ 1861-го года. Читая эту книжку, составленную, повидимому, изъ такихъ простыхъ, легкихъ и безъискусственныхъ разсказовъ и описаній, съ первого взгляда можно подумать, что составленіе ея не требовало особенного труда и усилия. Между тѣмъ Ушинский посвятилъ ей цѣлыхъ три года усидчиваго труда. За исключеніемъ статей христоматіи, заимствованныхъ большою частию изъ русскихъ писателей, все остальное сочинено самимъ Ушинскимъ, который сотни разъ передѣлывалъ каждую статейку, стараясь изложить ее въ такомъ видѣ, чтобы она вполнѣ годилась для достижения назначеннай цѣли—постепенного развитія вниманія и мыслительной способности дѣтей. Каждая фраза въ этой книгѣ тщательно обдумана и обработана и языкъ ея представляетъ замѣчательный образецъ простого, правильного, логическаго и художественнаго изложенія мысли. Когда Ушинский задумалъ наконецъ печатать свой трудъ, то оказалось, что его успѣль предупредить г. Паульсонъ, издавшій въ 1860-мъ г. свою „Книгу для Чтенія“, которая по цѣли и содержанію, до извѣстной степени, сходилась съ книгою Ушинского. Опасаясь окончательно разориться изданіемъ „Дѣтскаго Мира“, Ушинский долго не решался печатать его въ значительномъ количествѣ экземпляровъ, и только вслѣдствіе настоятельныхъ просьбъ и убѣждений друзей, напечаталъ въ количествѣ 3600 экз., назначивъ продажную плату за два тома 1 р. 80 к. Книга имѣла громадный успѣхъ: въ томъ же 1861-мъ году потребовались еще два изданія и авторъ былъ въ состояніи понизить цѣну ея до 1 р. 20 к., дѣлая еще значительную сбавку для учебныхъ заведеній¹⁾.

принадлежитъ статья: «Три элемента школы» (1857. Т. I), подписанная, по нѣкоторымъ причинамъ, псевдонимомъ Виссаріона Жукова.

1) Приведемъ здѣсь не лишеныя, можетъ быть, интереса свѣдѣнія о количествѣ разошедшихся экземпляровъ изданій Ушинского:

1) Дѣтскій Міръ и Христоматія ч. I, 10 изданій	135.000 экз.
2) > > > > > II, > >	105.000 >
3) Родное Слово, годъ I, 10 изданій	215.000 >
4) > > > II, 9 >	171.000 >
5) Книга для учащихъ для двухъ первыхъ годовъ, 9 изданій	26.000 >
6) Родное Слово годъ III, 2 изданія	15.000 >
7) Книга для учащихъ для 3-го года, 2 изданія	6.000 >

Итого 673.000 экз.

Замѣтимъ, кстати, что въ офиціальномъ «Каталогѣ учебныхъ руководствъ и пособій по русскому языку, которыхъ могутъ быть употребляемы въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ», напечатанномъ въ «Журн. Мин. Нар. Пр.» за августъ 1867-го года, изданія Ушинского совершенно пропущены, изъ чего можно бы сдѣлать заключеніе,

Улучшения, сдѣланныя Ушинскимъ въ учебной части Гатчинского института, обратили на него вниманіе начальства IV-го отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи и онъ, въ 1859-мъ году, переведенъ былъ на мѣсто инспектора классовъ Императорскаго воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ и С.-Петербургскаго Александровскаго училища (Смольнаго института), остававшееся вакантнымъ послѣ смерти Тимаева. Если не ошибаемся, онъ не мало также обязанъ былъ назначеніемъ этимъ—своимъ письмамъ о воспитаніи, писаннымъ для одной высокопоставленной особы, которая, къ сожалѣнію, не были напечатаны и едва ли сохранились въ бумагахъ покойнаго. Мы не станемъ здѣсь говорить о преобразованіяхъ, которая, по мысли и подъ руководствомъ Ушинскаго произведены были въ 1860-мъ году въ Смольномъ институтѣ, такъ какъ предметъ этотъ изложенъ въ книгѣ г. Лядова¹⁾), и вѣроятно будетъ еще обстоятельно разсмотрѣнъ въ составляемой нынѣ г. Пятковскимъ „Исторіи учрежденій Императрицы Маріи Федоровны“. Замѣтимъ только, что, вступивъ въ управление учебною частью Смольнаго института, Ушинскій успѣлъ обновить составъ преподавателей и привлечь въ это заведеніе весьма талантливыхъ и пріобрѣвшихъ нынѣ почетную извѣстность въ наукѣ и литературѣ дѣятелей, изъ коихъ назовемъ Я. П. Пугачевскаго, Н. Н. Раевскаго, В. Ф. Буссе, В. И. Лядова, А. И. Павловскаго, В. И. Водовозова, Д. Д. Семенова, Л. Н. Модзалевскаго, барона М. О. Косинскаго, О. Ф. Миллера, Г. С. Дестуниса и М. И. Семевскаго. Всѣ они составляли тѣсный дружескій кружокъ, котораго центромъ былъ Ушинскій, умѣвшій сообщить ему свою любовь къ дѣлу воспитанія. Они часто собирались у Ушинскаго и въ откровенной дружеской бесѣдѣ обмѣнивались педагогическими идеями и наблюденіями, отчего происходило, что учебная часть въ институтѣ развивалась дружно и гармонически и преподаваніе давало превосходные результаты. Несмотря на значительныя затрудненія, Ушинскій успѣлъ осуществить на дѣлѣ въ институтѣ многія свои воспи-

что они *не могутъ* быть употребляемы въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ. Но, принимая, во вниманіе, что «Дѣтскій Міръ» Ушинскаго былъ допущенъ къ употребленію въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ еще въ 1861-мъ г. министромъ Е. П. Ковалевскимъ вслѣдствіе одобренія этой книги ученымъ комитетомъ (Журн. Мин. Нар. Пр. часть официальная, 1861 г. 1 іюня № 9) и что книга эта въ 1867 году уже расходилась сотнями тысячъ экземпляровъ и признавалась всѣми нашими педагогами лучшею и ничѣмъ незамѣнною книгою при первоначальномъ обученіи, что, наконецъ, эта книга, какъ и всѣ другія сочиненія Ушинскаго, проникнута истинно-христіанскимъ и патріотическимъ духомъ,—мы полагаемъ, что пропускъ ея въ официальномъ „Каталогѣ“ произошелъ вслѣдствіе какой-либо ошибки—во всякомъ случаѣ, непростительной.

Ред.

¹⁾ Исторический очеркъ столѣтней жизни Императорскаго воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ и С.-Петербургскаго Александровскаго училища. Составилъ В. И. Лядовъ, стр. 61—79.

тательный идеи и совершилъ преобразованія, за которыя вѣроятно помянутъ его добрымъ словомъ воспитанницы института и ихъ родители. Человѣкъ, болѣе уступчивый, чѣмъ Ушинскій, обладающій болѣшімъ дипломатическимъ тактомъ, которымъ Ушинскій вовсе не отличался, по всей вѣроятности, съ большою легкостью успѣлъ бы провести эти преобразованія; но Ушинскому они стоили неимовѣрныхъ трудовъ и силъ. Онъ шелъ прямымъ путемъ, не зная окольныхъ дорогъ, добивался осуществленія своихъ идей настойчиво, со свойственной ему энергіею и рѣзкостью, не щадя чужого самолюбія и не отступая ни на шагъ отъ своихъ убѣжденій. Борьба, которую онъ долженъ былъ выдержать, пока осуществились его планы, совершенно истощила его силы и разстроила его здоровье.

Педагогическая дѣятельность Ушинскаго обратила на себя вниманіе тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, Е. П. Ковалевскаго. Въ то время министерство приступало къ коренному преобразованію своихъ учебныхъ заведеній, которое приведено было къ окончанію А. В. Головинымъ. Ученому комитету поручено было составить проектъ устава низшихъ и среднихъ училищъ, и трудъ этотъ былъ оконченъ въ февралѣ и напечатанъ въ мартовской книжкѣ журнала министерства. Печатая этотъ проектъ, министерство имѣло въ виду вызвать замѣчанія на него со стороны лицъ, принимавшихъ участіе въ дѣлѣ народнаго образованія, причемъ признано было полезнымъ сдѣлать журналъ министерства органомъ для такихъ замѣчаній и вообще для обсужденія педагогическихъ вопросовъ и распространенія педагогическихъ знаній. Ушинскому предложена была должность редактора журнала министерства и на него возложена обязанность преобразовать это изданіе въ специальный педагогическій журналъ. Въ этомъ новомъ видѣ журналъ министерства началъ издаваться съ іюля 1860-го года и выходилъ подъ редакціею Ушинскаго до ноября 1861-го года. Не подлежитъ сомнѣнію, что преобразованіе этого журнала, бывшаго до того времени совершенно безцвѣтнымъ, въ изданіе специально посвященное педагогикѣ и наиболѣе близкимъ къ ней наукамъ, произвело несомнѣнную пользу и значительно увеличило кругъ читателей журнала, которымъ прежде никто почти не интересовался. Однако новая редакція журнала не встрѣтила особенного сочувствія къ себѣ въ тогдашней нашей периодической прессѣ. Ушинскій, имѣя извѣстныя убѣжденія, несогласныя съ господствовавшимъ тогда въ журнальной литературѣ направлениемъ, считалъ невозможнымъ и позорнымъ для себя скрывать эти убѣжденія и высказывалъ ихъ какъ въ общемъ духѣ и направленіи изданія, такъ и въ собственныхъ своихъ статьяхъ, особенно въ психическо-воспитательномъ очеркѣ, подъ заглавіемъ „Трудъ“¹⁾ и въ статьѣ

¹⁾ Ж. М. Н. Пр. 1869 г. Іюль.

„О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи“¹), а также въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ напечатанному въ журналѣ министерства переводу извѣстнаго сочиненія Гайма „Гегель и его время“. Высказанные Ушинскимъ взгляды возбудили противъ него рѣзкія нападенія со стороны нѣкоторыхъ журналовъ, причемъ, къ сожалѣнію, эти нападенія были направлены не только противъ убѣжденій автора, но и противъ его личности. Ушинскій на опытѣ убѣдился, что мы еще не научились относиться съ уваженіемъ къ личности людей, которыхъ убѣждений мы не раздѣляемъ. Не одинъ, впрочемъ, Ушинскій подвергался въ то время глумленію со стороны нашихъ, считавшихъ себя передовыми, органовъ печати: ему подвергались и тѣ же люди, какъ Н. И. Пироговъ.

Смѣнившій въ управлениі министерствомъ народнаго просвѣщенія Е. П. Ковалевскаго, графъ Путятинъ, имѣлъ въ виду снова измѣнить программу журнала министерства и преобразовать его въ періодическое изданіе, посвященное всѣмъ вообще наукамъ, въ родѣ французскаго „Journal des Savants“. Ушинскій, не считая себя способнымъ быть редакторомъ такого энциклопедически-научнаго изданія, въ ноябрѣ 1861-го года вовсе оставилъ службу по министерству народнаго просвѣщенія²).

Оставивъ службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, Ушинскій однако не пересталъ быть дѣятельнымъ сотрудникомъ журнала этого министерства, который сохранилъ еще нѣкоторое время свою педагогическую программу. Въ мартовской книжкѣ за 1862-й годъ появилась весьма замѣчательная критическая статья его по поводу педагогическихъ сочиненій Н. И. Пирогова, въ которой подробно разобраны главныя идеи и педагогическіе взгляды нашего великаго хирурга и отдана должна дань заслугамъ его, какъ писателя и какъ руководителя общественнаго образования въ двухъ учебныхъ округахъ. Дѣятельность Н. И. Пирогова на поприщѣ воспитанія, къ сожалѣнію, давно уже прекратилась; нась отдѣляетъ уже болѣе чѣмъ десятилѣтній промежутокъ отъ того времени, когда каждая статья его, каждый циркуляръ по управлению учебнымъ округомъ, съ такимъ восхищениемъ встрѣчаемы были нашими педагогами. О заслугахъ Пирогова въ дѣлѣ воспитанія, о проводимыхъ имъ взглядахъ какъ-то забыло-

¹) Тамъ-же ноябрь и декабрь. Кроме названныхъ статей, въ то время, напечатаны были въ Журн. Мин. Нар. Пр. еще слѣдующія статьи: Психологіческія монографіи Випманіе. (Авг. и Сент. 1860 г.); Проектъ учителской семинаріи. (Февраль и Мартъ 1861 г.); Воскресная школа. Письмо въ провинцію (Янв. 1861 г.) и Родное Слово (Май 1861 г.).

²) Вступившій, въ декабрѣ 1861 г., послѣ гр. Путятинѣ, въ управлениѣ министерствомъ народнаго просвѣщенія, А. В. Головинъ, предлагать Ушинскому снова поступить на службу по вѣдомству министерства; но здоровье Ушинскаго, требовавшее тогда серьезнаго леченія, не дозволило ему принять это предложеніе.

нынѣшнее поколѣніе, и энтузіазмъ, возбужденный „Вопросами жизни“ замѣтно охладѣлъ. Въ томъ самомъ городѣ, гдѣ еще такъ недавно, по поводу просьбы учениковъ о дозвolenіи играть имъ въ публичномъ театрѣ, нашъ великий педагогъ, въ статьѣ „Быть и казаться“, передавалъ сотрудникамъ по воспитанію свои свѣтлые и глубокіе психологические взгляды на душу ребенка и на опасность развивать въ ней страсть ко всему кажущемуся, ко всякому блеску и мишурѣ, — въ томъ самомъ городѣ мы нынѣ заботимся о приличной ливрѣ швейцаровъ при гимназіяхъ. Въ виду такой забывчивости нашей о тѣхъ идеяхъ, которымъ мы недавно сочувствовали и о тѣхъ людяхъ, кои проповѣдовали эти идеи, можетъ быть не совсѣмъ излишне будетъ привести здѣсь заключительные слова статьи Ушинскаго, въ которыхъ онъ изображаетъ заслуги и значеніе у насъ Н. И. Пирогова.

„Мы надѣемся—говорить Ушинскій—что педагогическое поприще только что началось для Н. И. Пирогова (къ сожалѣнію, оно тогда окончилось); мы убѣждены, что для его педагогической дѣятельности предстоитъ еще блестящая будущность; по крайней мѣрѣ мы желаемъ этого всѣми силами нашей души. Никакіе уставы, никакія реформы, никакіе штаты не сдѣлаютъ ничего въ такой практической и вмѣстѣ духовной области, каково образованіе народа, если люди, подобные Н. И. Пирогову, не внесутъ въ эту область всей живительной силы своего могучаго и до глубины искренняго духа. Самый геніальный уставъ не сдѣлаетъ того, что можетъ сдѣлать одинъ такой человѣкъ, потому что въ образованіи духа важна не форма, а самъ духъ.... Мы знаемъ довольно, но мы желаемъ слабо; насъ слѣдуетъ не столько учить, сколько возвысить и укрѣпить; намъ нуженъ человѣкъ, примеръ котораго увлекалъ бы насъ, жизнь котораго служила бы намъ великимъ образцомъ; а другой такой жизни, какова жизнь Н. И. Пирогова, мы не знаемъ въ Россіи, да и у другихъ народовъ такихъ жизней не много. Если Н. И. Пироговъ призываетъ насъ къ безкорыстной дѣятельности на пользу народа, если онъ говоритъ намъ о нравственной силѣ духа, если онъ указываетъ намъ необходимость нравственного самовоспитанія, какъ единственного средства дѣйствовать благотворно на воспитаніе народа, если онъ говоритъ намъ о религіи, нравственности, любви къ людямъ и любви къ отечеству, безкорыстіи, самопожертвованіи, то эти слова уже не однѣ громкія фразы, а дѣла, или укоряющія насъ въ бездѣйствіи, или призывающія насъ къ спасительной дѣятельности.... Народъ, изъ среды котораго выходятъ такія личности, какова личность Н. И. Пирогова, можетъ съ увѣренностью глядѣть на свою будущность. Всѣ эти журнальные крики затихли, всѣ они скоро из消нутъ безъ слѣда; но личности, подобныя личности нашего почтенного хирурга и педагога, не боятся времени. Время—ихъ искренній другъ: оно мало-по-малу возвращаетъ сѣмена, ими по-

съянныя, и выдвигаетъ все ярче и ярче, ставить все выше и выше того, кого можетъ быть въ началѣ закрывали страсти и предразсудки современности.... Мы убѣждены, повторяемъ еще, что педагогическимъ способностямъ и наклонностямъ знаменитаго хирурга, что его истинно-гуманной личности предстоитъ еще обширное поле педагогической дѣятельности. Можетъ ли быть, чтобы такие люди долго оставались безъ дѣла, когда каждый день ихъ жизни, потерянный для государства, есть величайшая потеря, потеря невознаградимая, особенно въ такое важное переходное время, какъ наше. Но если, по несчастію, педагогическая дѣятельность Н. И. Пирогова остановилась на томъ, что онъ уже сдѣлалъ, то и тогда почтенное имя его не умретъ въ исторіи русскаго просвѣщенія. Наконецъ-то мы имѣемъ посреди наасъ человѣка, на котораго съ гордостью можемъ указать нашимъ дѣтямъ и внукамъ и по безукоризненной дорогѣ котораго можемъ вести смѣло наши молодыя поколѣнія. Пусть наша молодежь смотритъ на этотъ образъ — и будущность нашего отечества будетъ обеспечена. Литература наша любить рисовать мрачные характеры, любить развѣничивать историческія личности, любить топтать въ грязь прежніе авторитеты; но ей не удастся поколебать того нравственнаго авторитета, который уже пріобрѣлъ себѣ Н. И. Пироговъ".

Вполнѣ сочувствуя свѣтлымъ и глубоко-гуманнымъ взглядамъ Пирогова на воспитаніе, Ушинскій однако не раздѣлялъ его убѣждений относительно необходимости класть въ основу общаго образованія классические языки, и полагалъ, что если изученіе организаціи языка является лучшимъ средствомъ духовнаго развитія, то для такого развитія слѣдуетъ употреблять не классическіе языки, а родной языкъ. Убѣжденія свои по этому вопросу Ушинскій изложилъ какъ въ цитируемой нами критической статьѣ о сочиненіяхъ Пирогова, такъ и въ статьяхъ, которыхъ онъ впослѣдствіи печаталъ, если не ошибаемся, въ газетѣ „Голосъ“. Для осуществленія же своей задушевной мысли — положить въ основу духовнаго развитія родной языкъ, онъ составилъ всѣмъ извѣстныя руководства, подъ названіемъ „Родное Слово“¹⁾.

Въ началѣ мая 1862-го года Ушинскій уѣхалъ съ семействомъ загра-

¹⁾ Константина Дмитревичъ отдалъ своего старшаго сына, Павла, не въ общую, а въ военную гимназію, не потому, чтобы желалъ готовить его для военной карьеры, а единственно изъ опасенія, что молодой человѣкъ, поступивъ въ общую гимназію и будучи обязанъ посвящать большую часть времени и труда изученію древнихъ языковъ, не будетъ въ состояніи достаточно успѣвать въ другихъ предметахъ. Сознавая однако необходимость и пользу знанія древнихъ языковъ, онъ заставилъ сына своего обучаться латинскому языку частнымъ образомъ, у покойнаго воспитателя филологического института, хорошаго филолога, В. В. Игнатовича, который давалъ ему уроки по воскресеньямъ. О несчастной судьбѣ, постигшей старшаго сына Ушинскаго, скажемъ ниже.

ницу. Кромѣ необходимости озабочиться поправленіемъ разстроеннаго здоровья, онъ чувствовалъ необходимость нравственно отдохнуть на время отъ той кипучей жизни, которую онъ велъ въ послѣдніе два года и той борьбы, которую долженъ былъ выдерживать по поводу изданія журнала и преобразованія Смольного института. Его влекло также заграницу желаніе наглядно ознакомиться съ воспитаніемъ народа въ тѣхъ странахъ, где оно сдѣлало наиболѣе существенные успѣхи. Наконецъ, онъ тогда рѣшился посвятить остатокъ жизни воспитанію дѣтей своихъ и серьезнымъ педагогическимъ трудамъ и полагалъ, что для осуществленія той и другой цѣли онъ найдетъ заграницей болѣе средствъ чѣмъ въ Россіи. Начальство IV-го отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи умѣло цѣнить высокія дарованія Константина Дмитріевича и не согласилось уволить его вовсе отъ службы. Онъ былъ уволенъ только отъ должности инспектора классовъ Смольного института, съ причисленіемъ, въ качествѣ члена, къ состоящему при IV-мъ отдѣленіи учебному комитету, причемъ ему данъ былъ отпускъ на продолжительное время заграницу и возложена на него обязанность составить руководство для воспитателей. Съ 1862 по 1867-й годъ Ушинскій жилъ постоянно заграницей, болѣшею частью въ Швейцаріи, близъ Беве, и въ Гейдельбергѣ, где, между прочимъ, познакомился и сблизился съ Н. И. Пироговымъ, жившимъ въ то время въ Гейдельбергѣ въ качествѣ руководителя научныхъ занятій кандидатовъ къ профессорскому званію, отправленныхъ заграницу министерствомъ народнаго просвѣщенія. Почти каждый годъ Ушинскій прѣѣжалъ на некоторое время въ Россію для изданія своихъ сочиненій, устройства своихъ дѣлъ и лечения кумысомъ въ Самарской губерніи.

Поселившись въ Швейцаріи, Ушинскій началъ заниматься изученіемъ ея школьнаго устройства, въ особенности народныхъ школъ, учительскихъ семинарій и женскихъ училищъ. Результаты своихъ наблюдений онъ изложилъ въ шести весьма любопытныхъ письмахъ, напечатанныхъ подъ заглавіемъ „Педагогическая поѣздка по Швейцаріи“¹⁾). Въ этихъ письмахъ онъ изложилъ школьнное законодательство и организацію учебной части въ Бернскомъ кантонѣ и описалъ извѣстное, состоящее подъ дирекціею Фрелиха, женское училище „Einwohner-Mädchen-Schule“ въ Бернѣ и учительскія семинаріи въ Мюнхенбухзее и Веттингенѣ, получившія европейскую извѣстность, благодаря трудамъ своихъ директоровъ Рюга и Кеттигера. Письма Ушинскаго знакомятъ читателя не только съ устройствомъ и состояніемъ швейцарской школы, но еще съ духомъ этого превосходнаго учрежденія и съ тѣми условіями, при которыхъ оно могло достигнуть нынѣш-

¹⁾ «Журн. Мин. Нар. Просв.» декабрь 1862, и январь, мартъ и апрель 1863 года.

яго своего совершенства. Въ Швейцаріи Ушинскій началъ составлять свои книжки для первоначального обученія отечественному языку дѣтей младшаго возраста, изданныя подъ заглавиемъ „Родное Слово“, получившія у насъ еще большую популярность, чѣмъ „Дѣтскій Миръ“. Дѣй первыя книжки „Родного Слова“, предназначенные для дѣтей отъ 6-ти до 9-ти лѣтнаго возраста и изданныя въ 1864-мъ году, Ушинскій старался приспособить не только къ употребленію въ училищахъ, но также и въ домашнемъ воспитаніи, о правильномъ развитіи котораго въ Россіи онъ въ особенности заботился. Съ этою цѣлью онъ приложилъ къ нимъ превосходное руководство для родителей и наставниковъ, подъ названіемъ „Книга для учащихъ“, въ родѣ извѣстнаго Дистервеговскаго „Der Unterricht in der Klein-Kinder-Schule“. Эта книга для учащихъ Ушинскаго несомнѣнно оказала огромныя услуги нашему народному образованію, распространивъ между родителями и наставниками хорошій методъ первоначального обученія, которому у насъ, вслѣдствіе отсутствія учительскихъ семинарій, можно выучиться единственно по книгамъ. Третья книжка или третій годъ „Родного Слова“ есть единственный у насъ опытъ, такъ сказать, нагляднаго изложенія грамматики. Она вышла только въ минувшемъ году и къ ней также приложено руководство для преподавателей, въ которомъ основательно разобраны недостатки нынѣшняго первоначального преподаванія грамматики и изложенъ способъ употребленія новаго учебника.

Послѣдній трудъ Ушинскаго, къ сожалѣнію, едва ли оконченный, есть его опытъ педагогической антропологии, изданный подъ заглавиемъ „Человѣкъ какъ предметъ воспитанія“. Трудъ этотъ задуманъ Ушинскимъ весьма давно; материалы для него онъ готовилъ со времени вступленія своего на педагогическое поприще и первые его опыты общедоступнаго изложенія началъ антропологии въ примѣненіи ихъ къ дѣлу воспитанія сдѣланы имъ еще въ 1860-мъ году, въ статьяхъ подъ заглавиемъ „Психологическая монографія. Вниманіе“, напечатанныхъ въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.“ Мы уже упомянули, что начальство IV-го отдѣленія сѣбств. Е. И. В. канцеляріи возложило на него обязанность составить руководство для воспитателей, или какъ обыкновенно говорятъ, руководство къ педагогикѣ. Но Ушинскій находилъ безполезнымъ писать руководство къ наукѣ педагогики, въ томъ смыслѣ, какъ его понимаютъ нѣмецкіе педагоги. Всѣ нѣмецкіе учебники педагогики представляютъ не систему положеній науки, а только собраніе правилъ воспитательной дѣятельности, такихъ правилъ, которыхъ научные основанія извлечены изъ весьма разнообразныхъ отраслей знаній, входящихъ въ систему наукъ антропологическихъ. Педагогика, по мнѣнію Ушинскаго, имѣеть такое же отношеніе къ наукамъ, изъ которыхъ извлекаетъ свои положенія, какое имѣютъ лечеб-

ники или собранія медицинскихъ совѣтовъ и рецептовъ къ наукамъ медицинскимъ. Какъ никто не можетъ сдѣлаться хорошимъ медикомъ, изучивъ самые полные и лучшіе лечебники, но не зная анатоміи, физіологіи и т. п., такъ точно, по мнѣнію Ушинскаго, изученіе самыхъ лучшихъ руководствъ къ педагогикѣ не создастъ у насъ хорошихъ педагоговъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ распространены познанія антропологической. Въ Германіи, гдѣ философскія знанія составляютъ основу всякаго высшаго обученія, нѣмецкіе учебники вполнѣ достигаютъ своей цѣли. Но у насъ философскія знанія распространены менѣе чѣмъ гдѣ-либо, и мы, по скудости университетскаго преподаванія философскихъ наукъ и по отсутствію сколько-нибудь удовлетворительныхъ философскихъ сочиненій въ нашей литературѣ, лишены всякой возможности приобрѣтать эти знанія. Поэтому-то, желая добросовѣстно исполнить принятую на себя обязанность, Ушинскій не видѣлъ другого средства, какъ написать общепонятный учебникъ антропологии. Первый томъ этого сочиненія, встрѣченный не совсѣмъ дружелюбно нашими официальными философами и педагогами¹⁾, вышелъ въ концѣ 1867-го года, и содержитъ въ себѣ изложеніе необходимыхъ для каждого педагога физіологическихъ свѣдѣній и, изъ психологіи, процессъ сознанія. Второй томъ, выпущенный въ свѣтъ въ 1869-мъ году, заключаетъ въ себѣ анализъ процессовъ чувствованій и воли. Въ третьемъ томѣ авторъ предполагалъ закончить часть психологическую, изложивъ въ немъ анализъ тѣхъ духовныхъ особенностей, которая составляютъ отличительную черту психической жизни человѣка, и затѣмъ изложить тѣ педагогическія мѣры, правила и наставленія, которые сами собою вытекаютъ изъ изложенныхъ авторомъ явлений человѣческаго организма и человѣческой души. Большая часть этого послѣдняго тома, сколько намъ извѣстно, была уже напечатана, но смерть автора помѣшала его изданію.

Пятилѣтнее пребываніе Ушинскаго заграницей принесло обильные научные результаты. Укрѣпивъ свое здоровье, будучи удаленъ отъ тѣхъ треволненій, которыми сопровождались въ Россіи его служебная и литературная дѣятельность, Ушинскій имѣлъ возможность исключительно посвятить себя научнымъ трудамъ. Глубокое изученіе философскихъ и естественныхъ наукъ, личное знакомство съ лучшими ихъ представителями и непосредственное наблюденіе политической и соціальной жизни наиболѣе развитыхъ обществъ, сгладили нѣкоторые слишкомъ исключительные и рѣзкіе его взгляды и дали необыкновенное развитіе его интеллектуальнымъ силамъ. Вѣроятно многимъ изъ здѣ-

¹⁾ См. рецензію Владиславлева въ майской кн. «Ж. М. Н. Пр.» 1869 г. Первый томъ «Человѣка» Ушинскаго разошелся весь и его нынѣ неѣтъ въ продажѣ. Это едвали не единственный у насъ примѣръ столь быстрой распродажи философскаго сочиненія.

шнихъ педагоговъ памятны замѣчательныя пренія, происходившія въ 1865-мъ году въ здѣшнемъ Педагогическомъ обществѣ, по поводу реферата Ушинскаго „Педагогика какъ искусство“, въ которыхъ онъ поразилъ слушателей основательностью и многостороннѣстю своихъ знаній, глубиною анализа и силою діалектики. Къ сожалѣнію, прополь этихъ преній, сколько намъ извѣстно, нигдѣ не былъ напечатанъ.

Въ 1867-мъ году Ушинскій возвратился въ Россію. Имъ овладѣла тоска по родинѣ, и онъ опасался, что, живя съ семействомъ заграницею, не будетъ имѣть возможности дать своимъ дѣтямъ такое образованіе, которое бы могло ихъ приготовить для жизни и дѣятельности въ отечествѣ. Здоровье его до такой степени поправилось, что онъ считалъ для себя возможнымъ жить если не въ Петербургѣ, то въ каторомъ-либо изъ южныхъ университетскихъ городовъ, въ Кіевѣ или Одессѣ. Возвратившись въ 1867-мъ году изъ-заграницы, онъ большею частью жилъ въ Петербургѣ, дѣля отъ времени до времени поѣздки заграницу, въ Малороссію и въ Крымъ. Хотя онъ бывалъ не рѣдко боленъ, но казалось, что здоровью его не угрожала никакая серьезная опасность, и онъ могъ бы еще долго жить и работать, если бы не случилась страшная катастрофа въ его семействѣ, которая окончательно разрушила его здоровье и свела его въ могилу.

Въ мартѣ 1870-го года Ушинскій, постоянно избѣгавшій оставаться въ Петербургѣ весною, отправился чрезъ Вѣну въ Крымъ для пользованія кумысомъ, намѣреваясь въ срединѣ лѣта возвратиться къ своему семейству въ имѣніе Ушинскихъ, Богданку, Черниговской губерніи Новгородъ-сѣверскаго уѣзда. Жена и дѣти Ушинскаго отправились изъ Петербурга прямо въ деревню въ началѣ іюня. Старшій сынъ Ушинскихъ, Павелъ, 17-ти лѣтній молодой человѣкъ, котораго первоначальнымъ обученіемъ занимался самъ Константинъ Дмитріевичъ съ необыкновеннымъ усердіемъ и любовью, тогда окончилъ полный гимназическій курсъ съ отличнымъ успѣхомъ. Это былъ весьма способный молодой человѣкъ, отличавшійся необыкновенно симпатическимъ характеромъ и прекрасными качествами души. Мы всѣ, друзья и знакомые Ушинскихъ, любили ихъ Пашу, какъ собственное дитя. Этаотъ-то старшій изъ дѣтей Ушинскихъ имѣлъ несчастье ранить себя нечаянно на охотѣ, заряжая ружье, и умеръ на рукахъ матери послѣ 14-ти-часового мученія. Константинъ Дмитріевичъ пріѣхалъ домой изъ Крыма чрезъ нѣсколько дней послѣ смерти сына, вовсе не зная о случившемся. Онъ пріѣхалъ совершенно здоровый и веселый, и поздоровавшись съ семьей, сейчасъ спросилъ, гдѣ Паша. Домашніе, желая хоть на нѣсколько часовъ скрыть отъ него страшное горе, сказали, что Паша легъ спать. Но въ тотъ же вечеръ несчастный отецъ узналъ отъ прислуги о постигшемъ его несчастьи. Ударъ былъ

слишкомъ силенъ для первной и впечатлительной натуры Ушинскаго. Услышавъ роковую вѣсть, онъ упалъ въ обморокъ, и съ того времени здоровье его уже болѣе не поправлялось. Онъ перѣхалъ съ семействомъ въ Кіевъ, но усилившаяся болѣзнь заставила его искать болѣе теплого климата, и онъ отправился въ Одессу, гдѣ въ концѣ октября слегъ въ постель и скончался, окруженный горячо имъ любимою семьею, 21-го декабря минувшаго года. Хотя въ Одессѣ его лично никто почти не зналъ, однако вѣсть о смерти талантливаго педагога быстро распространилась въ городѣ, и общее сочувствие къ высокимъ качествамъ его души и драгоцѣннымъ трудамъ на пользу отечественнаго образованія выразилось огромнымъ стечениемъ людей всѣхъ сословій, которые пожелали проводить его къ мѣstu послѣдняго успокоенія. К. Д. Ушинскій умеръ 47-ми лѣтъ отъ роду.

Отрѣшившись на минуту отъ личныхъ чувствъ, которыя мы питали къ покойному, мы смѣло и съ полнымъ убѣженіемъ можемъ сказать, что преждевременная кончина его есть большое несчастіе и невознаградимая утрата для нашего общества и нашей науки. Личность его далеко выходила изъ ряда обыкновенныхъ и представляла рѣдкое соединеніе необыкновенныхъ способностей ума, глубокой вѣры, высокихъ, истинно-христіанскихъ качествъ души¹⁾ и непоколебимой независимости характера. Обогативъ нашу бѣдную педагогическую и учебную литературу драгоцѣнными сочиненіями, онъ не успокоился на лаврахъ, но работалъ неутомимо, работалъ не для славы, не для материальныхъ выгодъ или почестей²⁾, а въ полномъ сознаніи той глубокой христіанской идеи, что отъ того, кому многое дается, многое и требуется.

Ю. РЕХНЕВСКІЙ.

Январь, 1871 г.

¹⁾ Послѣ смерти К. Д. Ушинскаго мы узнали отъ одного изъ самыхъ близкихъ его друзей, Я. П. П—аго, что ему часто передаваемы были Константиномъ Дмитревичемъ денежныя суммы, на взносъ платы за бѣдныхъ учащихся, на вспомоществованіе бѣдныхъ и т. п., причемъ К. Д. обязалъ П—аго ни подъ какимъ видомъ не объявлять отъ кого получены эти деньги.

²⁾ Изъ формуларного списка Ушинскаго видно, что онъ въ теченіе своей 26-ти лѣтней службы получилъ двѣ награды: въ 1858 году—денежную награду въ 450 р., и въ 1860 г., по случаю выпуска воспитанницъ Смольнаго института—брилліантовый перстень.

